

DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-205-225

Научная статья

Влияние на национальную безопасность России интеграции зарубежных акторов в Центрально-Азиатский регион

Н.У. Ханалиев

Министерство иностранных дел РФ
Смоленская-Сенная площадь, 30/2, Москва, Россия, 119002

Аннотация. После распада СССР перманентная внутривосточная турбулентность породила политическую автократию и политическую борьбу с характерными для нее технологиями влияния на внутригосударственные процессы. При этом государства Центральной Азии начали активно включаться в глобальные мировые процессы. В то же время стала проявляться заинтересованность различных стран Востока и Запада в расширении своего экономического и геополитического присутствия в центрально-азиатском регионе. Одновременно происходила активизация идеологического воздействия на страны Центральной Азии. Различные внешние силы, преследуя конкретные цели, стремятся оказать свое влияние на внутренние процессы суверенных государств, зачастую вопреки интересам народов центрально-азиатского региона. В представленной статье автор анализирует влияние внешних акторов на внутренние процессы государств Центральной Азии с точки зрения обеспечения национальной безопасности России.

Ключевые слова: национальная безопасность России, интеграция, Центральная Азия, Большой Ближний Восток, террористическая угроза, экстремизм

Центральная Азия на сегодняшний день представляет огромный интерес как для региональных, так и для географически отдаленных от нее стран. Обеспечив определенные геополитические преимущества в регионе, внешние акторы, в виде государства или группы стран, получают не только приоритетный доступ к энергетическим богатствам региона, но и создают предпосылки для более полного обеспечения своих национальных целей и интересов [1].

Особую опасность для центрально-азиатского региона представляет реализуемая Западом так называемая Концепция «противодействия насильственному экстремизму» (ПНЭ). ПНЭ была сформулирована на саммите в Вашингтоне в феврале 2015 г., в последующем активно обсуждалась в рамках ряда региональных форумов в Осло, Сиднее, Астане, Алжире, Риме, а также

© Ханалиев Н.У., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

в ходе встречи высокого уровня на полях юбилейной сессии Генассамблеи ООН в сентябре 2015 г. [2]

В октябре 2015 г. бывший Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун объявил о подготовке «Плана действий по предотвращению насильственного экстремизма». План был одобрен резолюцией Генассамблеи ООН А/70/674. Российская сторона изначально заявляла об опасениях того, что план и заложенные в нем идеи могут быть использованы для оправдания вмешательства во внутренние дела государств, дестабилизации и смещения неудобных правительств под предлогом продвижения успешного международного опыта в области борьбы с экстремизмом и за права человека. При этом Россия акцентировала внимание на необходимости отражения во всех антиэкстремистских международно-правовых документах ведущей и определяющей роли государств и их компетентных органов в антитерроре при активном и эффективном взаимодействии с институтами гражданского общества.

Эксплуатация широкого поля ПНЭ дает США и их союзникам возможность продвигать излюбленный тезис о том, что основными порождающими причинами указанного феномена являются «политика репрессивных режимов» и «массовые и систематические нарушения прав человека» со стороны весьма избирательно составленного перечня государств. При этом Запад полностью игнорирует гораздо более мощный фактор радикализации и политических и общественных настроений в результате произвольного внешнего вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Несмотря на то, что нынешнее руководство США ассоциирует концепцию ПНЭ с наследием бывшего Президента Б. Обамы, проекты под эгидой ПНЭ активно реализуются по линии ряда международных организаций (ООН, ОБСЕ и ЕС) в Центральной Азии [3].

Количество проектов по ПНЭ в регионе Центральной Азии увеличивается. Наиболее масштабными проектами являются: финансируемая Евросоюзом региональная программа «Усиление устойчивости к насильственному экстремизму в Азии» (порядка 10 млн долл. США) [5] и Японией – «Укрепление устойчивости населения и региональное сотрудничество в области противодействия насильственному экстремизму» (порядка 7 млн долл. США) [6].

Исполнительными и координирующими структурами по указанным программам выступают подразделения ООН и ОБСЕ, а также Центр по противодействию насильственному экстремизму «Хедайя» (Абу-Даби, **Объединенные Арабские Эмираты**) во взаимодействии с различными гражданскими институтами, фондами, НПО, представителями местного гражданского общества, действующими нередко в обход государства и соответствующих компетентных органов.

Под видом распространения наилучшего опыта в антиэкстремистской сфере (обучения «профилактике экстремизма», «недопущения авторитаризма и репрессивной политики правительств», «продвижения демократии и прав человека») потенциально создаются условия для вмешательства во внутренние дела государств вплоть до провоцирования «цветных революций».

Закрепление в государствах Центральной Азии западных приоритетов в части, касающейся оценки угроз и организации деятельности по противодействию терроризму и экстремизму, способно нанести ущерб национальным интересам России.

В противовес западной концепции ПНЭ Россия активизировала работу по продвижению на международной арене, подписанной в 2017 г. и ратифицированной Россией, Китаем, Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном Конвенции Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) по противодействию экстремизму.

В Конвенции закреплены фундаментальные положения об опасности экстремизма как питательной среды терроризма, ведущей роли государств и их компетентных органов в противодействии экстремизму и терроризму, необходимости соблюдения международного права и Устава ООН, прежде всего уважения принципов суверенитета и равноправия государств, невмешательства в их внутренние дела, осуждения идеологии и практики экстремизма во всех его формах и проявлениях и недопустимости публичных призывов и подстрекательства к экстремистским действиям.

Конвенция формирует механизмы взаимодействия государств-членов в сфере предупредительно-профилактической деятельности, совместного противодействия экстремизму, оказания правовой помощи и способствует унификации законодательства подписавших ее стран. Конвенция имеет универсальный характер и открыта для подписания странами, не входящими в ШОС. Это особенно актуально в настоящее время, когда после завершения активной фазы боевых действий российских Вооруженных сил в Сирии отмечается перенос центра тяжести противостояния террористическому интернационалу с Ближнего Востока в приграничный с Россией центрально-азиатский регион [4].

США напрямую проводят свою активную политику в Центральной Азии. Регион рассматривается Вашингтоном, прежде всего, через призму афганского урегулирования. Одной из задач США – это встраивание Афганистана в систему экономических связей Центральной Азии, а также объединение ее транспортной, энергетической и коммуникационной инфраструктуры с соответствующими странами Южной и Восточной Азии, а также Ближнего Востока с целью разрыва ее многолетних разноплановых связей с Российской Федерацией. В этом плане можно рассматривать решение о создании консультативного формата «страны Центральной Азии – Афганистан». Задачам проникновения и закрепления США в Центральной Азии подчинен созданный в ноябре 2015 г. новый механизм взаимодействия с Центральной Азией в формате «С5+1».

В центрально-азиатском регионе США рассматривают Узбекистан в качестве важного партнера, при этом исходят из того, что без участия Ташкента ни один крупный вопрос в регионе решить не удастся. Как следствие этого факта Соединенные Штаты оказывают на Узбекистан активное финансовое давление, подсаживая его, таким образом, на «экономический крючок».

США намерены использовать заинтересованность Узбекистана во внешней финансовой помощи и содействии в области безопасности для вовлечения

Ташкента в более тесное сотрудничество, в том числе в рамках нового формата взаимодействия «С5+1», а также в военной сфере. Отмечаются попытки увязать стремление узбекского руководства к получению ВВТ с продвижением диалога по вопросу размещения на территории страны американской военной базы.

Суть политики США в Центральной Азии можно выразить известной фразой У. Черчилля: «Центральная Азия – это та дойная корова, которая еще дожидается своего крокодила». Сейчас на роль такого «крокодила» претендуют Соединенные Штаты, которые в соответствии с действующей ныне внешнеполитической доктриной, провозглашенной американским руководством, принимают самостоятельные решения и осуществляют упреждающие действия в том случае, если ими выявляется угроза для американской безопасности. В этой доктрине не исключается проведение военных операций, мотивированных любым проявлением агрессивности против США. При их обнаружении оценка таких проявлений – прерогатива самих Соединенных Штатов. Таким образом, исходя из внешнеполитической линии Вашингтона, можно утверждать, что любые политические процессы в суверенных государствах Центральной Азии будут рассматриваться исключительно через призму защиты национальных интересов США [3].

Таким образом, суть политики США – связать в единое военно-стратегическое и геополитическое целое Центральную Азию, Афганистан, Ближний Восток, Индию, Пакистан и весь этот регион поставить под свой контроль, тем самым максимально минимизировать влияние России, Китая и Ирана в этом регионе [7].

Именно поэтому США выделили странам Центральной Азии по линии «Фонда антитеррористического партнерства» Пентагона 20 млн долл. в 2016 г. и 30 млн долл. в 2017 г. [8] Вашингтон намерен активнее вкладываться в сферу безопасности в Центральной Азии, аргументируя это тем, что связанные с ситуацией в Афганистане региональные проблемы представляют вызов интересам национальной безопасности США, их союзников и партнеров.

В фокусе внимания США – противодействие проникновению и закреплению в регионе террористических организаций, в т. ч. «Движения талибов» и ИГ, помощь в обеспечении стабильности. Выделяемые средства планируются пустить в первую очередь на содействие охране границ.

Речь идет в основном о содействии Таджикистану, который США рассматривают в качестве «ключевого партнера» в обеспечении безопасности в регионе. При этом именно Таджикистан в наибольшей степени зависим от американской военной помощи, сумма которой составляет 29 млн долл., что составляет почти 28% ежегодного военного бюджета Таджикистана [9].

Таким образом, экспорт демократии и создание цивилизованного гражданского общества в настоящее время не является самоцелью политики США в Центральной Азии. Это лишь инструмент для решения определенных геополитических задач, которым отданы приоритеты во внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов. Та финансовая и экономическая помощь США центрально-азиатским государствам покрывает лишь небольшую часть их насущных потребностей. Более того, создается впечатление, что такое

содействие Вашингтона предназначено лишь для того, чтобы склонить эти государства к выполнению определенных действий, находящихся в сфере американских интересов, что не решает реальные проблемы центрально-азиатского региона [7].

Растет внимание к центрально-азиатскому региону со стороны **Евросоюза**. Центральная Азия рассматривается ЕС в качестве стратегически важного региона, прежде всего, с точки зрения обеспечения своей энергетической безопасности и создания своеобразного буфера против проникновения в Европу терроризма, экстремизма под флагом ислама, наркотиков и нелегальных мигрантов. ЕС стремится расширить свое присутствие в центрально-азиатском регионе путем реализации программ развития, на которые выделяются значительные финансовые средства. Кроме этого, Евросоюз всячески поощряет внутрирегиональные связи и проекты без привлечения России, но с их переориентацией на юг в сторону Афганистана. Как следствие, Брюсселем игнорируются сложившиеся в Центральной Азии форматы сотрудничества с российским участием.

Для ЕС приоритетом является энергетическая отрасль. Ставится цель поставить под свой контроль добычу, переработку и экспорт на внешние рынки центрально-азиатских углеводородов. При этом планируется создание альтернативных маршрутов их транспортировки в обход России [3].

17 июня 2019 г. на заседании Совета ЕС по иностранным делам в Люксембурге были приняты «заклучения» по Центральной Азии вместе с представленным 15 мая 2019 г. Еврокомиссией и Высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини докладом «ЕС и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнерства». Эти два документа будут представлять рамочную основу будущей политики ЕС на центрально-азиатском направлении. Новая стратегия заменит собой аналогичный документ от 2007 г. Формально Стратегия рассчитана на 5–10 лет, и основной упор в ней делается на три приоритета [10]:

- укрепление устойчивости стран Центральной Азии путем развития демократии, верховенства закона, соблюдения прав человека, женщин, детей, меньшинств, свободы выражения мнений, ассоциаций, борьбы с дискриминацией и пытками;

- повышение благосостояния. Подразумевается оказание поддержки модернизации экономики, усиленное сопровождение реформ и контроль за финансовой, монетарной и фискальной политикой стран Центральной Азии. Брюссель собирается наращивать торговлю с центрально-азиатскими государствами, содействовать ее развитию внутри региона, вступлению всех стран Центральной Азии в ВТО, привлечению зарубежных инвестиций. ЕС намерен добиваться предсказуемых условий для ведения бизнеса в регионе, внедрять свои технологические стандарты;

- совершенствование совместной работы. В дополнение к диалогу ЕС – ЦА высокого уровня по вопросам безопасности предусматривается создание нового поста эксперта ЕС по безопасности и контртерроризму для Центральной Азии, а

также проведение в формате «адhoc» экспертных встреч ЕС – ЦА по предотвращению насильственного экстремизма и борьбе с терроризмом.

Евросоюз намерен также расширять практическое взаимодействие со странами Центральной Азии в реформировании их сектора безопасности, уплотнять взаимодействие по кризисному регулированию и миротворчеству, внедрять в ткань двустороннего диалога тему «гибридных угроз», которые, в понимании ЕС, исходят в первую очередь от России, а также заняться укреплением кибербезопасности Центральной Азии.

В то же время руководство ЕС рассчитывает, что активизация партнерства с Узбекистаном как с основным партнером в регионе будет способствовать укреплению безопасности стран ЕС от террористических угроз. Это взаимодействие планируется осуществлять на двусторонней основе, а также в координации с ОБССЕ и Региональным центром ООН по превентивной дипломатии в Центральной Азии.

Взамен ЕС считает возможным снизить критическую тональность в диалоге с Ташкентом по «правочеловеческой» тематике. Одновременно эти усилия призваны ослабить влияние России на Узбекистан и регион Центральной Азии.

Также в Центральной Азии усиливается **Китай**. В политическом плане Пекин выступает за минимизацию влияния военного присутствия США и их союзников в регионе, активно сотрудничает с Россией, в том числе в ШОС, в противодействии распространению терроризма, экстремизма и наркотиков. Вместе с тем Китай активно расширяет свою вовлеченность в экономические дела региона, финансируя многочисленные проекты, в том числе малого и среднего бизнеса. Этому способствует китайская инициатива «Один пояс, один путь». Китай увязывает углубление сотрудничества с **созданием надежного коридора поставок товаров и услуг в Европу и страны Персидского залива**, а также с развитием западных и центральных районов Китая, особенно Синьцзян-Уйгурского автономного района. Кроме того, **Пекин заинтересован в переносе в Центральную Азию ряда избыточных, энергозатратных и «грязных» производств** в ходе осуществления внутренних структурных реформ.

Уместно подчеркнуть, что именно в Центральной Азии Китай добился своего признания в качестве регионального актора. Хотя, по заявлениям китайского руководства, основными стратегическими направлениями внешней политики Китая являются южное (Тайвань) и восточное (США и Япония), Центральная Азия, находящаяся на северо-западе, рассматривается в качестве своеобразного тыла Китая [7].

В настоящее время в международных делах Пекин придерживается принципа «не становиться головой», то есть не принимать на себя бремя лидерства. Кроме того, Китай предпочитает участвовать не в альянсах и военных блоках, а строить двусторонние отношения по принципу стратегического партнерства (Россия, ЕС, АСЕАН и т.д.). Это дает ему право не брать на себя жестких обязательств. Однако нет сомнений в том, что по мере возрастания экономической и военной мощи Китая этот принцип будет пересмотрен [7].

Одной из причин развития сотрудничества Китая с центрально-азиатскими государствами является также принятая в Китае так называемая «Программа освоения Запада» (СУАР, Тибет, некоторые северные и западные провинции). Известно, что население Китая увеличивается ежегодно примерно на 16 млн человек, то есть на столько, сколько составляет население, например, такой страны, как Казахстан. При этом китайское правительство разработало программу переселения 250 млн человек из центральных районов страны в северные и западные провинции, непосредственно граничащие с государствами Центральной Азии. Не трудно предположить, к каким последствиям может привести реализация такой программы. Официальные власти Китая категорически отрицают такое переселение, хотя и не дают по этому вопросу никакой статистики [1].

Важнейшим элементом продвижения **турецких интересов** в Центральной Азии является сотрудничество в гуманитарной сфере, учитывая историческую, языковую, культурную общность народов. Не связывая себя в Центральной Азии крупномасштабными инвестиционными проектами, Турция предпочитает продвигать, с использованием элементов «мягкой силы», культурные и образовательные программы. В Центральной Азии действует Парламентская ассамблея тюркоязычных стран, Совет старейшин, Всемирная ассамблея тюркских народов, которая занимается изучением общих исторических корней тюркской культуры. Международная организация по совместному развитию тюркской культуры и искусства (ТЮРКСОЙ) не ограничивает свою деятельность культурно-просветительской сферой, занимаясь также вопросами политических и торгово-экономических отношений между тюркоязычными странами Центральной Азии [11].

Свою «экспансию» в Центральной Азии Турция начала сразу по трем направлениям: политическом, идеологическом и экономическом. Были использованы возможности дипломатии, частного турецкого бизнеса, различных общественных, религиозных и политических структур. С Соединенными Штатами была достигнута договоренность о том, что западная финансовая помощь центрально-азиатским государствам пойдет через турецкие финансовые структуры. У Запада была надежда на то, что проникновение турецкого капитала в Центральную Азию, открытие на ее территории турецких школ и лицеев, светский характер государственности Турции сделают ее основным посредником между Центральной Азией и Европой [1].

Турция оказывает влияние на внутривнутриполитические процессы Киргизии, действуя через турецкое религиозное сообщество «Нурджулар». Данная религиозная организация занимается сбором информации в политической, экономической, межконфессиональной и других сферах в центрально-азиатском регионе, используя методы конспирации, осуществляет внедрение и дальнейшее продвижение своих последователей в органы власти и управления [12].

Основным проектом Турции для центрально-азиатских государств в этот период стало предложение о создании наднационального тюркского экономического пространства, которое включало бы создание:

- тюркского общего рынка;

- единой энергосистемы и системы транспортировки энергоресурсов;
- регионального банка развития;
- установление безвизового движения граждан;
- единого общего языка для тюркских народов.

Основными направлениями, по которым ведется данная деятельность:

- пропаганда турецкой модели развития;
- противостояние деятельности в центрально-азиатском регионе иранским и арабским радикальным «исламистам»;
- подготовка кадров различного профиля для молодых центрально-азиатских государств.

Такая политика проводилась не только официальными органами Турции, но и через различные общественные и религиозные организации и стала самой большой политической ошибкой турецкого руководства в Центральной Азии. Правящая элита центрально-азиатских государств не захотела менять русского «старшего брата» на турецкого. Кроме того, экономическая слабость Турции, ее зависимость от Запада, а также рост национального самосознания в государствах центрально-азиатского региона не позволили Анкаре занять в регионе то место, которое ей хотелось [1].

В настоящее время основными внешнеполитическими задачами для Турции являются: членство в Евросоюзе и решение проблемы Курдистана, поэтому проблемы и задачи, связанные с Центральной Азией, не носят первостепенный характер. Новая политика Турции в центрально-азиатском регионе заключается в развитии двусторонних экономических отношений, предоставлении кредитов государствам региона, активное участие в региональных экономических проектах. Однако активный интерес Турции вызывает приграничная с центрально-азиатским регионом Россия, которую она обвиняет в поставке оружия курдским террористам через международное преступное сообщество, возглавляемое «вором в законе» Захарием Калашовым [13].

Турция не смогла добиться усиления своего влияния в Центральной Азии, и в ближайшей перспективе ей это вряд ли удастся, так как теперь ее конкурентами в регионе стали Россия, США и Китай [1].

Активно работает в центрально-азиатском регионе **Иран**. Согласно принятой в 2005 году 20-летней стратегии развития Иран стремится стать лидером Ближнего и Среднего Востока и выйти на передовые позиции в экономической, научной и культурной сферах деятельности. Это приоритетная задача, хотя в разные исторические периоды происходит эволюция средств и методов ее достижения. Как заявил руководитель комитета по разработке стратегии М. Резан: «Иран станет вдохновителем исламского мира и цивилизациеобразующим государством с революционной и иранской идентичностью, реализующим конструктивное и эффективное взаимодействие в международных отношениях» [7].

Вместе с тем наличие нескольких идентичностей отнюдь не приводит к «внешнеполитической шизофрении». Иранской элите удастся совмещать их и использовать по мере надобности. Так, использование активной религиозной

риторики и идей паншиитского единства позволило руководству Ирана мобилизовать силы иракских, афганских, ливанских и пакистанских шиитов с целью использовать их в интересах защиты непосредственно самого Ирана в нынешней гражданской войне в Сирии, направив туда отряды шиитских «добровольцев» со всего региона. С другой стороны, для самих иранцев руководство страны предложило другой нарратив – объяснив необходимость участия в сирийской войне защитами национальной безопасности, инкорпорируя ее в т.н. теорию «цепи сопротивления» («сельселе-йе мукавемат»), которая подразумевала иранское присутствие в Ливане, Сирии и Ираке необходимостью дать ответ на угрозы, возникшие для национальной безопасности Ирана на дальних рубежах, коими и выступили указанные государства. В этом ключе наличие нескольких внешнеполитических «Я» у Тегерана является даже своеобразной сильной стороной Ирана, когда их используют правильно. В этом плане нельзя не согласиться с Верховным лидером Ирана С.А. Хаменеи, который в сентябре 2014 г. объяснил силу региональной политики Ирана исламом, персидским языком и шиитским мазхабом. С его слов, именно эти три вещи обеспечивают «стратегическую глубину иранских региональных позиций».

Основной целью политики Ирана в отношении Центральной Азии является не только стремление развития политических отношений с центрально-азиатскими странами и получение экономических выгод, но и использование этих отношений в интересах выхода из международной изоляции.

Современная политика Ирана в Центральной Азии базируется на идее культурной общности региона, пропаганде необходимости культурного возрождения, на котором должна базироваться истинная независимость государства. Иран использует идеи общей культуры для укрепления своего влияния в центрально-азиатских государствах. По мнению Тегерана, этому способствуют общее культурно-историческое прошлое, общие границы, экономические основы и торговые связи. Иран готов предоставить государствам Центральной Азии выход к Персидскому заливу для транспортировки энергоресурсов. Причем вопрос трубопроводов из Центральной Азии имеет для Ирана стратегическое и экономическое значение, так как страна, через территорию которой они будут проходить, станет значимой региональной силой. Однако проникновению Ирана в регион активно препятствуют не только США, но и арабские страны, с которыми у него сложные отношения и которые оказывают свою поддержку Турции и Пакистану [7].

Этническая близость Ирана с Таджикистаном (обе нации персидского происхождения) является основой особых отношений этих двух стран. Иран пытается объединить ираноязычные государства региона: Афганистан, Иран и Таджикистан в единое экономическое и культурное пространство. С этой целью было принято решение о создании трехсторонней комиссии по сотрудничеству с центром в Кабуле. При этом было подчеркнуто, что «безопасность Афганистана и Таджикистана зависит от Ирана, а безопасность Ирана – от безопасности в этих странах» [7]. Особую озабоченность Тегерана в настоящее время вызывает возможность «цветных» революций в соседних с ним

государствах. Скорее всего необходимость противодействия этим явлениям будет определять приоритетные направления его внешнеполитической деятельности в Центральной Азии в ближайшем будущем.

Отношения Ирана с Казахстаном и Узбекистаном носят умеренно доброжелательный характер, причем основная ставка делается на Узбекистан. Эти отношения ограничиваются совместными экономическими проектами, которые не приносят Тегерану политических дивидендов, так как существенно зависят от состояния отношений этих двух стран с Вашингтоном [1].

Особые отношения Ирана и Туркменистана обусловлены общей границей и международной изоляцией обоих государств, хотя и по разным причинам. Они просто обречены на сотрудничество. Ирано-киргизские отношения носят крайне ограниченный характер. Иран играет активную роль в конфликте Таджикистана и Узбекистана посредством вербовки политической элиты Таджикистана и финансирования оппозиции (ПИВТ, Группа 24).

Наблюдается активизация политики **Японии** в отношении Центральной и Южной Азии. Проекты под эгидой ПНЭ активно внедряются в центрально-азиатский регионе через многочисленные «программы» техпомощи по линии ООН, ОБСЕ, Совета Европы и др. международных и региональных организаций. Так, на деньги Запада осуществляются следующие специальные программы по ПНЭ для Центральной Азии: разработанная Секретариатом ОБСЕ «Концепция комплексно-интегрированной пилотной программы для государств Центральной Азии в сфере противодействия терроризму» на 2018–2023 гг.; проект ПРООН «Региональная инициатива по усилению устойчивости местных сообществ и региональному сотрудничеству с целью противодействия насильственному экстремизму, ведущему к терроризму в Центральной Азии». И, что немаловажно, согласно данным «Российской газеты», финансирование этих проектов в размере 6 млн долл. США осуществляется именно Японией [14].

Важное стратегическое положение центрально-азиатского региона обуславливает значимость данного региона для внешней политики **Индии**. Причины такой ситуации лежат в политической и экономической плоскостях [1].

В государственных интересах Индии в отношении Центральной Азии существенное место занимает то, что центрально-азиатские страны могут играть важную роль в борьбе с экстремистами в районе Кашмира, что имеет важное значение для стабилизации границ и общества Индии. Индия – второе после Индонезии крупнейшее государство мира по численности мусульманского населения, равного 150 млн человек, и поэтому поддерживать хорошие отношения с соседними мусульманскими государствами для нее жизненно необходимо.

Индия не готова в настоящее время расширять свое сотрудничество со странами Центральной Азии, чтобы это не вызвало недовольство США и не нанесло вред их двусторонним отношениям, которые в последнее время развиваются достаточно активно. Вообще в своей внешней политике Индия стремится диверсифицировать свои внешние приоритеты и придерживаться принципа «равноудаленности» в отношениях с «великими» державами [7].

К экономическим интересам Индии к Центральной Азии в первую очередь следует отнести газовые и нефтяные ресурсы данного региона, которые имеют огромную притягательную силу для Индии, бедной энергоносителями и электроэнергией. Индия, как и Китай, стремится сделать Центральную Азию потенциальным источником своей энергетики. К 2025 году, чтобы обеспечить устойчивый уровень экономического роста, Индия должна увеличить уровень потребления энергии примерно в 2 раза. Поэтому главной причиной стремления Индии к сотрудничеству с центрально-азиатскими государствами являются, помимо интересов в сфере безопасности, ее интересы в энергетической сфере. Кроме того, вступление Индии в ШОС в качестве наблюдателя было вызвано еще и тем, чтобы не допустить укрепления позиций Пакистана в этой организации [1].

Политика **Афганистана** по отношению к Центральной Азии в настоящее время определяется двумя факторами: стремлением США, согласно концепции «Большой Центральной Азии», связать воедино центрально-азиатские государства и Афганистан и ее возможной многовариантностью в случае победы талибов или распада Афганистана на два государства.

В северных провинциях Афганистана складывается непростая военно-политическая обстановка. Там находятся около 8 тыс. членов различных террористических группировок. Происходит концентрация вооруженных бандформирований на афганском берегу р. Пяндж. Согласно статистике таджикские военные с начала 2015 г. пресекли 62 факта нарушения государственной границы, причем треть случаев составляли попытки ее пересечения с оружием в руках.

Проведя анализ происходящего, можно выделить некоторые тенденции в сложившейся обстановке, которые не прослеживались ранее.

Во-первых, деятельность групп боевиков в Афганистане управляется и финансируется со стороны США, Великобритании, **Саудовской Аравии** и Пакистана [15]. Боевикам установлено ежемесячное содержание в размере от 500 до 1500 долларов США. В случае болезни или ранения им выдается около 2000 долларов. Раньше такого финансового и продовольственного обеспечения не было. Другое изменение заключается в новом подходе к проведению террористических актов. Если ранее боевые вылазки носили стихийный характер, то сейчас террористические операции основательно планируются и прорабатываются, что повышает их эффективность и упрочняет достижение результата.

Во-вторых, пополнение террористических организаций, которое прибывает через территорию Пакистана, большей частью состоит из граждан Центральной Азии. Из Пакистана они переправляются далее в Кундуз и Бадахшан. В предыдущие годы такого количества боевиков в этих районах не наблюдалось. Сейчас же новое пополнение экстремистских рядов приходит довольно быстрыми темпами. При сохранении интенсивности процесса ситуация способна повлиять не только на безопасность центрально-азиатского региона, но и несет угрозу безопасности России.

В-третьих, если ранее значительная часть многонационального населения Кундуза, за исключением большинства пуштунов, была едина в противостоянии движению талибов, то в настоящее время единства не наблюдается, а прослеживается усиление целенаправленно разжигаемой клановой розни, особенно между таджиками и пуштунами. Причем приграничные с Таджикистаном пуштуно-населенные территории используются для создания инфраструктуры и привлечения в эти местности еще большего количества боевиков.

В-четвертых, особого внимания заслуживает то, что в Северном Афганистане в последнее время усилилась работа по распространению радикальных и экстремистских идей, которая успешно проводится среди молодежи богословами, получившими религиозное образование в высших учебных заведениях Ирана, Пакистана, Индии и Саудовской Аравии. В мечетях перед проповедями отдельными лицами даются конкретные указания имамам о субстантивном наполнении проповеди. Сельские мечети обязаны вовлечь определенное количество молодежи в ряды группировок.

В-пятых, противостояние правительственных сил боевикам осложняется еще и тем, что президент Афганистана призвал силовые структуры воздерживаться от применения авиации и бомбардировок, мотивируя это тем, что в результате ударов страдают мирные жители и инфраструктура населенных пунктов. В силу этого, несмотря на большое количество личного состава и техники на территории провинции Кундуз, их возможности по отражению террористических атак ограничены. В настоящее время более семи тысяч военнослужащих правительственных сил находятся на территории области, однако во время проведения целевых операций из Кабула даются приказы о неприменении огня.

С учетом происходящего в северных провинциях Афганистана и усиления влияния «Исламского государства» в этих районах таджикские власти инициировали абсолютно на всех уровнях пропагандистские мероприятия в целях информирования о возможных последствиях присоединения к террористическим группировкам, а также формирования у населения не просто негативного имиджа ИГ, а отвращения к проповедуемым им идеям. Не остается и без внимания вопрос укрепления самой границы с сопредельным Афганистаном. В этой связи Таджикистан периодически обращает внимание мирового сообщества на слабую техническую оснащенность погранвойск, стремясь привлечь как можно больше современных технических средств для эффективной охраны госграницы.

Следует также отметить вариантность причин, подталкивающих граждан вступать в ряды ИГ. Применительно к Таджикистану традиционно перечисляются такие причины, как: низкий уровень жизни, социальная и правовая незащищенность, клановость, недоверие к государственной власти, а также соседство с потенциальными «горячими точками». И лишь недавно стали говорить о психологическом аспекте, который активно используется эмиссарами ИГ при вербовке. Как представляется, наиболее точно описал психологическую составляющую американский специалист Н. Такер, отметив, что

жители центрально-азиатского региона, которые в каком-либо формате симпатизируют идеям ИГ – это в большинстве своем молодые трудовые мигранты, которые мало знают об исламе как о религии. Скорее они видят в исламе возможность обрести утешение, объяснение экономических трудностей, которую они испытывают на себе. В общем и целом психологические причины лежат в основе стремления «взбунтоваться», стать частью чего-то «великого», избавиться от чувства отчуждения и осуществить собственную склонность к насилию – именно эти факторы приводят к экстремистским политическим взглядам ту небольшую часть молодежи, которая испытывает желание вступить в ИГ.

Тем не менее, власти Таджикистана признают отдельные случаи проявления деятельности ИГ в республике несмотря на то, что официально власти до последнего времени отрицали наличие какой-либо угрозы, связанной с ИГ и исходящей изнутри страны. Подобное молчание и соблюдение конфиденциальности может трактоваться как нежелание создавать преждевременную панику среди населения.

Таджикистан реально сталкивается с угрозами и вызовами, исходящими с афганской территории, поскольку ситуация в приграничных северных провинциях Афганистана продолжает ухудшаться. И при нынешнем стечении обстоятельств необходимо быть готовыми к различным вариантам развития событий на приграничных участках с сопредельным Афганистаном, в том числе и акциям провокационного характера. Учитывая географическую близость ИГ к Таджикистану официальному Душанбе, очевидно, придется использовать весь набор инструментов (правоохранительных, информационных, психологических и др.) в целях предотвращения распространения влияния ИГ на территории республики.

В этом контексте, по мнению Содикова Ш.Д., ключевую роль играет то, что таджики в Афганистане являются второй по численности этнической группой. Население таджиков в Афганистане составляет 38% от общего количества населения страны, что насчитывает около 13 млн чел. Таджики составляют большинство населения в пятнадцати провинциях Афганистана [16].

Он также добавляет, что многие западные государства самостоятельно безуспешно пытались повлиять на ситуацию в Афганистане, не осознавая того, что без тесного сотрудничества с Таджикистаном и Узбекистаном их операции не могут быть увенчаны успехом. Все попытки урегулировать ситуацию в Афганистане силовыми методами были тщетны и приводили лишь к раздуванию конфликта [16].

Негативные процессы в Афганистане вызывают серьезную тревогу, так как они неизменно отражаются на безопасности в Центральной Азии. В последнее время заметно активизировались радикальные группировки. Ряд из них присягнули на верность «Исламскому государству». Например, за последние месяцы к ИГ примкнуло несколько полевых командиров «Исламского движения Узбекистана» и других более мелких организаций. Особый акцент преступные элементы делают на работе в проблемных районах – Ферганской долине, Раштской зоне, Ошской и Джалал-Абадской областях.

Создают там нелегальные структуры с прицелом на распространение влияния по всему региону. Эмиссары привлекают в свои ряды новых сторонников, в том числе налаживая связи с подпольными ячейками «Хизбут-Тахрир».

Согласно данным информационного агентства «EurAsiaDaily» в Афганистане насчитывается около 6 тыс. «игиловцев» (ИГИЛ – запрещенная в РФ организация). При этом общая численность экстремистов в северном приграничье страны превысила 15 тыс. чел [17]. Сторонники ИГ выявлены в 25 из 34 афганских провинций. Имеются сведения о том, что руководство ИГ реализует планы создания в азиатском регионе государственного образования «Хорасан». Действует также новая группировка «Лашкар-е-Хорасан», позиционирующая себя в качестве независимой от ИГ, однако преследующая аналогичные цели – смена в странах Центральной Азии правительств и установление в них законов шариата. Половину ее сторонников составляют выходцы из стран Центральной Азии. Кроме того, в одном из лагерей в Нуристане на востоке страны около 200 боевиков ИГ изучают русский язык с конкретными целями ведения подрывной деятельности в Центральной Азии. Для финансирования своих «проектов» на территории Бадахшана террористы создали 7 нарколабораторий. Кроме того, боевиками захвачены некоторые золотоносные рудники и месторождения драгоценных камней.

Многие страны, прежде всего западные, сильно недооценивают, а скорее намеренно занижают, расширение деятельности ИГ в Афганистане. Несмотря на определенные потери ИГ в Афганистане, в том числе ликвидацию одного из ее лидеров Санда Хафеза Хана, эта МТО продолжает реализовывать стратегию превращения Афганистана в плацдарм для переноса своей террористической деятельности на Центральную Азию, Пакистан, Индию, Иран и Китай.

Распространение теругроз происходит не стихийно. Прослеживается стремление внешних сил направить терактивность с территории Афганистана на Центральную Азию. Сейчас США и их союзниками предпринимаются активные попытки ослабить традиционно сильные интеграционные связи между Россией и странами Центральной Азии и превратить центрально-азиатский регион в «новый Ближний Восток».

Пакистан твердо следует в русле политики, проводимой США. После оказания помощи в их борьбе против талибов в Афганистане Пакистан получил статус основного союзника США вне НАТО.

Изменение положения Афганистана в стратегических планах Соединенных Штатов позволяет говорить о том, что Афганистан в настоящее время представляет собой основной стратегический центр для продвижения американской экспансии на центрально-азиатском, иранском и китайском направлениях. Поэтому значение Пакистана для США значительно уменьшилось.

Интерес Пакистана к сотрудничеству с центрально-азиатскими государствами обусловлен прежде всего экономическими причинами. Потребности Исламабада в энергоресурсах, а также возможность прокладки транспортных артерий из Центральной Азии на побережье Индийского океана через его территорию могут рассматриваться партнерами как один из возможных в будущем вариантов взаимовыгодного сотрудничества.

Серьезную угрозу безопасности Российской Федерации представляет собой участие иностранных террористов-боевиков (ИТБ) из стран Центральной Азии на стороне ИГ. Около 20% боевиков ИГ представляют собой граждане с постсоветского пространства, что составляет, по данным некоторых экспертов, около 20 тыс. человек.

В научных трудах подробно разобрана тема роли и места интернет-ресурсов. Тем не менее, в последнее время встречаются факты использования боевиками информационно-пропагандистской ресурсной базы в странах Центральной Азии, противопоставления своего «правильного ислама» «неверным», для чего используют такие интернет-платформы, как Фейсбук, Твиттер, ВКонтakte и Одноклассники. Вербовка ведется путем умелой игры на чувствах особо уязвимых слоев населения в отношении социально-экономического положения в странах и межэтнических противоречий. Интернет также используется для сближения идеологии ближневосточных и северокавказских экстремистов.

Выделяются факторы, побуждающие отдельных социально-дезорientированных субъектов становиться в ряды террористов ИГ:

а) притягательные для молодежи ваххабитско-салафитские пансламские лозунги;

б) победы ИГ в Ираке и Сирии, контроль внушительной части территории этих стран;

в) новизна и масштабность идеи ИГ по сравнению с предыдущими МТО;

г) относительно высокий по сравнению с родиной уровень жизни в «халифате», возможность привести или создать на месте семью, владеть женщинами-рабынями;

д) легкость въезда на территорию ИГ через Турцию и отдельные страны Персидского залива;

е) пропагандируемый так называемый «исламский рай» с социальной справедливостью, занятость для всех, бесплатная медицина и образование.

Радикализация населения является достаточно острой проблемой для стран Центральной Азии, в особенности в районе Ферганской долины (пограничье Киргизии, Таджикистана и Узбекистана).

Согласно данным информационного агентства «Sputnik» в ИГ наибольшее количество ИТБ – этнические узбеки (от 500 до 2,5 тыс. чел.), затем – казахи (250–1000 чел.), туркмены (360 чел.), таджики (190 чел.), киргизы (100–500 чел.) и уйгуры (300–1000 чел.). Большинство из них объединяются в отряды (джамааты) по этническому и языковому признаку, взаимодействуют в основном с «Джамаат Ансаруллах» и его союзниками [18].

По оценкам отдельных политологов, в распоряжении радикалов имеются свыше 100 лагерей подготовки. 85 из них находится на территории Сирии, 32 – в Ираке. Северокавказским отрядам принадлежит 11 из них, узбекским – 4, уйгурским – 2, казахским – 1. В структуре ИГ существует отдельное подразделение для выходцев из Таджикистана численностью более

600 человек, которое взаимодействует с туркменскими боевиками. В его состав входят такие группировки, как «Таблиги Джамаат», «Джамаат Ансаруллах», «Салафия», «Хизбут-Тахрир» (запрещенная в РФ организация).

Россия считает необходимым в достаточно настоящем ключе ориентировать зарубежных партнеров на энергичную работу в интересах укрепления взаимодействия на направлениях международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, включая все более чувствительную сейчас сферу предупреждения терроризма и экстремизма. Это особенно важно с учетом статуса России и Казахстана как членов Совбеза ООН, реализованного при поддержке России назначения Казахстана председателем санкционного комитета СБ ООН против ИГИЛ и «Аль-Каиды» (запрещенная в РФ организация) [19].

Стоит отметить настороженность России в отношении поведения центрально-азиатских государств: в указанных важнейших областях международных отношений партнеры далеко не всегда справляются с функциями надежных союзников, более того – зачастую действуют в автономной от России роли, все больше ориентируясь на некие императивы налаживания взаимоотношений с Западом (Казахстан со своей гос. программой «Болашак»). Как показывает практика, центрально-азиатские государства покорно и некритически воспринимают политические и идеологические задачи, которые ставит перед ними Запад, не ощущая или не предвидя в должной мере пагубных последствий такого конформизма в международных отношениях. Известно, что такое заигрывание с Западом скорее приводит к нулевому, а то и отрицательному для них результату [20].

В частности, одним из основных проблемных моментов является продвижение в Центральной Азии энергично навязываемой Западом на замену традиционному контртерроризму концепции «противодействия насильственному экстремизму». Соответствующие проекты «техпомощи» в сфере ПНЭ активно внедряются через международные организации (прежде всего по линии ООН, ОБСЕ) в Казахстане, Таджикистане, Киргизии [21].

Понятно, какие политические и геополитические цели за всем этим стоят – на примере все той же Украины и т.н. «арабской весны» всем должно быть вполне очевидно, что экстремистская пропаганда может (в начале и без насилия), особенно поддерживаемая извне, вести к разрушению закона и порядка, традиций и устоев, к дестабилизации государства и общества, опаснейшему нарушению прав массы людей. Убедительным примером тому является целенаправленное информационное «ненасильственное» нагнетание протестных, антиправительственных настроений, создавших условия для дальнейшего паралича власти в ряде современных государств. Уместно предположить, что сегодняшними целями западной «геополитической инженерии» являются как раз союзники России в Центральной Азии [22].

Таким образом, можно констатировать, что конкуренция на центрально-азиатском пространстве продолжает усиливаться. Это учитывается всеми государствами региона, которые проводят многовекторную внешнюю политику, стремятся к диверсификации этих экономических связей, используют в своих целях элементы соперничества в треугольнике Россия–США–Китай.

Развитие военно-политической обстановки в Центральной Азии будет в определенной степени зависеть от ситуации в соседнем Афганистане, эволюции внешнеполитических приоритетов центрально-азиатских лидеров. Вместе с тем, балансируя между мировыми центрами силы, государства центрально-азиатского региона будут рассматривать Россию, по крайней мере, на среднесрочную перспективу, в качестве основного гаранта своей безопасности перед лицом новых вызовов и угроз, а также главного торгово-экономического партнера. Жесткий и плотный мониторинг властей за обстановкой в центрально-азиатских республиках пока исключают возможность организации (в том числе и из-за рубежа) сколь-нибудь масштабных антиправительственных выступлений, особенно с учетом отсутствия в большинстве стран организованной самостоятельной системной оппозиции и наличия российского военного базирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Васильев Л.Е.* Проблемы безопасности в Восточной Евразии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. М.: Учреждение Российской академии наук Институт Дальнего Востока РАН, 2009. 172 с.
- [2] *Ханалиев Н.У.* Триумф российской военно-политической дипломатии на большом Ближнем Востоке // *Власть*. 2017. Т. 25. № 12. С. 166–171.
- [3] *Антюхова Е.А.* «Арабская весна»: политические кризисы и конфликты в государствах Ближнего Востока и Северной Африки // *Национальный интерес*. 2016. Т. 27. № 3. С. 147–167.
- [4] Посольство России в Германии. URL: <https://russische-botschaft.ru/ru>. Дата обращения: 08.03.2020.
- [5] ЕС потратит в РК \$10 млн на усиление устойчивости к насильственному экстремизму в Азии // *АрмИнфо*. 20.08.2019. URL: https://arminfo.info/full_news.php?id=44544&lang=2. Дата обращения: 20.03.2020.
- [6] ПРООН запускает финансируемый Японией проект по предотвращению насильственного экстремизма в ЦА // *Контртеррористический комитет Казахстана*. URL: <http://ctc-rk.kz>. Дата обращения: 23.03.2020.
- [7] *Васильев Л.Е.* Некоторые особенности борьбы с терроризмом в Центральной и Южной Азии // *Возможность изменения ситуации в Афганистане*. М.: Изд. ИДВ РАН 2011. 87 с.
- [8] Таджикистан получит большую часть запрошенных Пентагоном \$50 млн на борьбу с терроризмом в Центральной Азии // *CentralAsia*. 22.02.2016. URL: <https://centralasia.media/news:1114133>. Дата обращения: 22.03.2020.
- [9] Таджикистану оказали гумпомощь на более чем \$29 млн // *Vzglyad.az*. 19.09.2018. URL: <https://vzglyad.az/news/118186/>. Дата обращения: 19.03.2020.
- [10] Европейский Совет утвердил новую Стратегию Европейского Союза в отношении региона Центральной Азии // *Представительство ЕС в Республике Таджикистан*. 17.06.2019. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/tajikistan_ru/64251/. Дата обращения: 17.03.2020.
- [11] СМИ и ИТ // *Polpred*. URL: <https://polpred.com/news/?sector=15&kw=114&page=8/#3>. Дата обращения: 30.03.2020.
- [12] *Чмырева В.А.* Роль и место Турции в системе современных евроатлантических отношений во внешнеполитических исследованиях США: автореф. дис. ... к.и.н. М.: РУДН, 2016. 28 с.

- [13] *Галеотти М.* Воры. История российской организованной преступности. М.: Individuum, 2019. 448 с.
- [14] Конкурент с Востока // RG. URL: <https://rg.ru/2015/12/29/yaroniya.html>. Дата обращения: 29.03.2020.
- [15] Журналист «Аль-Джазиры»: нам запретили говорить правду // Вести. 16.03.2012. URL: <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/403508/#/video/https>. Дата обращения: 11.03.2020.
- [16] *Содилов Ш.Д.* Роль таджикских и узбекских народов в урегулировании афганского конфликта // Viperson. 2018. URL: <http://eskin.viperson.ru/articles/rol-tadzhikskih-i-uzbekskih-narodov-v-uregulirovanii-afganskogo-konflikta>. Дата обращения: 15.03.2020.
- [17] *Митина Д.* Рассматривать «Талибан» союзником – непροстителная наивность // EurAsia Daily. 18.02.2019. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/02/18/rassmatrivat-taliban-soyuznikom-neprostitelnaya-naivnost-intervyu>. Дата обращения: 18.03.2020.
- [18] Сколько выходцев из стран бывшего СССР воюют на стороне террористов // Sputnik Узбекистан. 26.10.2017. URL: <https://uz.sputniknews.ru/analytics/20171026/66666975/vyhodcy-iz-sssr-na-storone-terroristov.html>. Дата обращения: 26.03.2020.
- [19] *Ханалиев Н.У.* Сирийский узел в раскладе геополитических сил на Ближнем Востоке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. Т. 36. № 1. С. 150–159.
- [20] *Ханалиев Н.У.* Белые каски или белые маски? // Вестник Российской нации. 2018. Т. 64. № 6. С. 87–96.
- [21] *Ханалиев Н.У.* Приоритеты национальной безопасности России на большом Ближнем Востоке // Власть. 2017. Т. 25. № 9. С. 143–152.
- [22] *Ханалиев Н.У.* О перспективах распространения терроризма на постсоветском пространстве в условиях поражения ИГИЛ в Ираке и Сирии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2019. Т. 21. № 4. С. 687–705.
- [23] *Паришин П.Б.* Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // Аналитические доклады, Центр глобальных проблем МГИМО – Университет. 2013. Т. 36. № 1. С. 37.

История статьи:

Статья поступила в редакцию: 13.04.2020.

Статья принята к публикации: 01.06.2020.

Research article

Integration of Foreign Actors in the Central Asian Region: Influence on the National Security of Russia

N.U. Khanaliyev

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
Smolenskaya-Sennaya Sq., 30/2, Moscow, Russian Federation, 119002

Abstract. After the collapse of the USSR, permanent domestic political turbulence gave rise to political autocracy and political struggle with its characteristic technologies for influencing

internal state processes. At the same time, the Central Asian states began to actively engage in global processes. At the same time, various countries of the East and West began to show interest in expanding their economic and geopolitical presence in the Central Asian region. At the same time, the ideological influence on the countries of Central Asia intensified. Various external forces, pursuing specific goals, seek to exert their influence on the internal processes of sovereign states, often contrary to the interests of the peoples of the Central Asian region. In this article, the author analyzes the influence of external actors on the internal processes of Central Asian states from the point of view of ensuring the national security of Russia.

Keywords: national security of Russia, Central Asia, Greater Middle East, terrorist threat, extremism

REFERENCES

- [1] Vasiliev L.E. *Problemy bezopasnosti v Vostochnoj Evrazii. Bor'ba s terrorizmom, separatizmom i jekstremizmom* [Security Problems in Eastern Eurasia. The Fight Against Terrorism, Separatism and Extremism]. Moscow: Establishment of the Russian Academy of Sciences Institute of the Far East RAS; 2009 (In Russ.).
- [2] Khanaliev N.U. Triumf rossijskoj voenno-politicheskoj diplomatii na bol'shom Blizhnem Vostoke [The Triumph of Russian Military-Political Diplomacy in the Greater Middle East]. *Power*. 2017; 25 (12): 166–171 (In Russ.).
- [3] Antyuhova E. A. «Arabskaja vesna»: politicheskie krizisy i konflikty v gosudarstvah Blizhnego Vostoka i Severnoj Afriki [«Arab Spring»: Political Crises and Conflicts in the States of the Middle East and North Africa]. *National Interest*. 2016; 27 (3): 147–167 (In Russ.).
- [4] *Embassy of Russia in Germany* URL: <https://russische-botschaft.ru/ru/>. Accessed: 08.03.2020.
- [5] ES potratit v RK \$10 mln na usilenie ustojchivosti k nasil'stvennomu jekstremizmu v Azii [The EU Will Spend in Kazakhstan \$ 10 Million to Strengthen Resistance to Violent Extremism in Asia]. *ArmInfo*. 20.08.2019. URL: https://arminfo.info/full_news.php?id=44544&lang=2 Accessed: 20.03.2020 (In Russ.).
- [6] PROON zapuskaet finansiruemyj Japoniej proekt po predotvrashheniju nasil'stvennogo jekstremizma v CA [UNDP Launches a Japanese-funded Project to Prevent Violent Extremism in Central Asia]. *Counter-Terrorism Committee of Kazakhstan*. URL: <http://ctc-rk.kz>. Accessed: 23.03.2020 (In Russ.).
- [7] Vasiliev L.E. Some Features of the Fight Against Terrorism in Central and South Asia. *The Opportunity to Change the Situation in Afghanistan*. Moscow: Publ. IDE RAS; 2011. 87 p. (In Russ.).
- [8] Tadzhiqistan poluchit bol'shuju chast' zaprosennyh Pentagonom \$50 mln. na bor'bu s terrorizmom v Central'noj Azii [Tajikistan Will Receive Most of the \$ 50 Million Requested by the Pentagon to Fight Terrorism in Central Asia]. *CentralAsia*. 22.02.2016. URL: <https://centralasia.media/news:1114133>. Accessed: 02.03.2020 (In Russ.).
- [9] Tadzhiqistanu okazali gumpomoshh' na bolee chem \$29 mln [Tajikistan provided humanitarian assistance for more than \$ 29 million]. *Vzglyad.az*. 19.09.2018. URL: <https://vzglyad.az/news/118186/>. Accessed: 19.03.2020 (In Russ.).
- [10] Evropejskij Sovet utverdil novuju Strategiju Evropejskogo Sojuza v otnoshenii regiona Central'noj Azii [The European Council Approved the New European Union Strategy for the Central Asian Region]. *Representation EU in the Republic of Tajikistan*. 17.06.2019. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/tajikistan_en/64251/. Accessed: 17.03.2020 (In Russ.).

- [11] SMI i IT [Media and IT]. *Polpred*. URL: <https://polpred.com/news/?sector=15&kw=114&page=8/#3>. Accessed: 30.03.2020 (In Russ.).
- [12] Chmyreva V.A. *Rol' i mesto Turcii v sisteme sovremennyh evroatlantskikh otnoshenij vo vneshnepoliticheskikh issledovanij SShA* [The Role and Place of Turkey in the system of modern Euro-Atlantic relations in US foreign policy research]: abstract. dis. ... PhD in History. Moscow: RUDN; 2016 (In Russ.).
- [13] Galeotti M. *Vory. Istorija rossijskoj organizovanoj prestupnosti* [The Thieves. The History of Russian Organized Crime]. M.: Individuum; 2019: 448 (In Russ.).
- [14] Konkurent s Vostoka [Competitor from the East]. *RG*. 29.12.2015. URL: <https://rg.ru/2015/12/29/yaponiya.html>. Accessed: 29.03.2020 (In Russ.).
- [15] Zhurnal'ist "Al'-Dzhaziry": nam zapretili govorit' pravdu. [Journalist Al-Jazeera: We Were Forbidden to Tell the Truth]. *Vesti.ru*. 16.03.2012. URL: <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/403508/#/video/https>. Access: 11.03.2020 (In Russ.).
- [16] Sodikov Sh.D. Rol' tadjikskikh i uzbekskikh narodov v uregulirovanii afganskogo konflikta [The Role of Tajik and Uzbek Peoples in Resolving the Afghan Conflict]. *Viperson*. 2018. URL: <http://eskin.viperson.ru/articles/rol-tadjikskikh-i-uzbekskikh-narodov-v-uregulirovanii-afganskogo-konflikta>. Accessed: 15.03.2020 (In Russ.).
- [17] Mitina D. Rassmatrivat' «Taliban» sojuznikom – neprostitel'naja naivnost' [Considering the Taliban as an Ally is an Unforgivable Mistake]. *EurAsia Daily*. 18.02.2019. URL: <https://eadaily.com/en/news/2019/02/18/rassmatrivat-taliban-soyuznikom-neprostitelnaya-naivnost-intervyu>. Accessed: 18.03.2020 (In Russ.).
- [18] Skol'ko vyhodcev iz stran byvshego SSSR vojujut na storone terroristov [How Many Immigrants from the Countries of the Former USSR are Fighting on the Side of Terrorists]. *Sputnik Uzbek*. 26.10.2017. URL: <https://uz.sputniknews.ru/analytics/20171026/6666975/vyhodcy-iz-sssr-na-storone-terroristov.html>. Accessed: 26.03.2020 (In Russ.).
- [19] Khanaliyev N.U. Sirijskij uzal v rasklade geopoliticheskikh sil na Blizhnem Vostoke. [Syrian Knot in the Alignment of Geopolitical Forces in the Middle East]. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij*. 2017; 36 (1): 150–159 (In Russ.).
- [20] Khanaliyev N.U. Belye kaski ili belye maski? [White helmets or white masks?] *Vestnik Rossijskoj natsii*. 2018; 64 (6): 87–96 (In Russ.).
- [21] Khanaliyev N.U. Prioritety nacional'noj bezopasnosti Rossii na bol'shom Blizhnem Vostoke. [Russia's National Security Priorities in the Middle East]. *Vlast'*. 2017; 25 (9): 143–152 (In Russ.).
- [22] Khanaliyev N.U. O perspektivah rasprostraneniya terrorizma na postsovet'skom prostanstve v usloviyah porazheniya IGIL v Irake i Sirii [On the Prospects of the Spread of Terrorism in the Post-Soviet Space in the Context of the Defeat of ISIS in Iraq and Syria]. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21 (4): 687–705 (In Russ.).
- [23] Parshin P.B. Problematika «mjagkoj sily» vo vneshnej politike Rossii [The Problem of “Soft Power” in the Foreign Policy of Russia]. *Analytical Reports, Center for Global Problems, MGIMO-University*. 2013; 36 (1): 37 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 13.04.2020.

The article was accepted on 01.06.2020.

Информация об авторе:

Ханалиев Нурадин Умарпашаевич – кандидат политических наук, первый секретарь Департамента по вопросам новых вызовов и угроз Министерства иностранных дел Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0002-3876-1548) (e-mail: nur.han.mid@gmail.com).

Information about the author:

Nuradin U. Khanaliyev – PhD in Political Sciences, First Secretary of the Department for New Challenges and Threats, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-3876-1548) (e-mail: nur.han.mid@gmail.com).

Для цитирования:

Ханалиев Н.У. Влияние на национальную безопасность России интеграции зарубежных акторов в Центрально-Азиатский регион // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. Т. 7. № 3. С. 205–225. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-205-225

For citation:

Khanaliyev N.U. Integration of Foreign Actors in the Central Asian Region: Influence on the National Security of Russia. *RUDN Journal of Public Administration*. 2020; 7 (3): 205–225. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-3-205-225